

Отар Иоселиани: «Терпеть не могу положительных героев»

Знаменитый кинорежиссер любит снимать фильмы про заблудших людей

Независимая - 2004 - 19 ноября - с. 12

Алексей Науменко

Персонажи его фильмов живут в мире абсурда и иронии. Они смотрят на этот мир широко раскрытыми глазами и сердцем, а в суму за плечами они собирают пыль дорог. Уроженец Грузии, выпускник Тбилисской консерватории, живущий и снимающий ныне в Париже, режиссер-философ Отар Иоселиани недавно показал в Киеве на фестивале «Молодость» полную ретроспективу своих фильмов.

— Отар, насколько вы отождествляете себя с вашими персонажами?

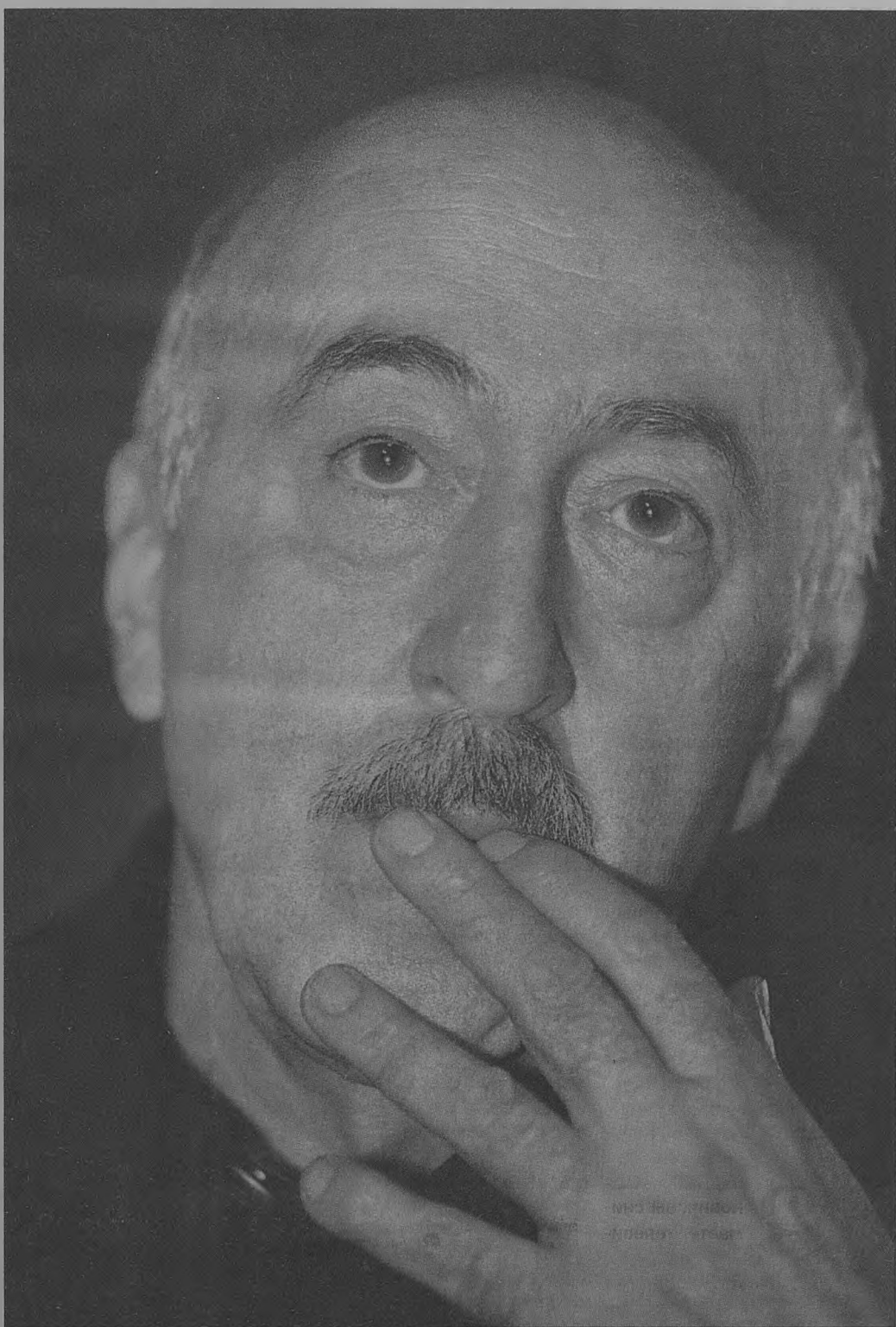
— Вполне, даже с самыми мерзкими. Очень люблю разбойников, поскольку люди, соблюдающие приличия, не очень симпатичные. Все мы в той или иной степени заблудшие. В каждом из нас есть такой орган, который в простонародье назывался совестью, а это именно то, во что люди верят, то есть Бог. И эта совесть нас грызет, мучает, не дает что-то свершить. Недавно я был в Турине на форуме бывших глав государств, проводимый под эгидой Горбачева. Они собрались поучать нынешних правителей в том, чего сами не смогли сделать. Они хотят уберечь своих последователей от тех сожалений, которые сами когда-то испытали.

— Вы живете в Париже более двадцати лет. Какие изменения произошли в культурном центре Европы?

— Я приехал в Париж поздно, в конце семидесятых годов. Кончилась «бель-эпок», я никого уже не застал: не было Жозефина де Керр, Жак Тати и Рене Клер уже состарились, спектакли в «Мулен Руж» превратились в автомат, афиши Тулуз-Лотрека потеряли всякий смысл. Стены заведений, ранее расписанные навсегда, теперь были отделаны пластиком. «Клозери де Лила» на Монпарнасе, где люди в старые времена просто безумствовали, закрылось. За эти двадцать с лишним лет люди стали более замкнутыми, осторожными, у них не хватает времени на то, чтобы жить. А ведь после войны Париж жил совсем другой жизнью. Из-за отсутствия ванн, собственных клозетов и кранов, находившихся либо во дворе, либо на лестничной площадке, люди выходили из своих квартир и шли навстречу общению. Но после того как у каждого появился свой телевизор перед носом, своя ванна и собственный водопровод, на этом все и закончилось. Я стал Париж уже разобщенным, но еще живым. И со временем мне становится все грустнее. Но хуже всего, что мой родной Тбилиси совсем не тот, каким я его когда-то покинул. Сегодня этот город населен людьми с другой, непонятной мне психологией. Тут-то и понимаешь смысл изречения: «В одну и ту же реку второй раз не войти».

— Нелегко быть гостеприимным в современном Париже?

— Сложные механизмы запирающие дверей придуманы от страха, а может быть, и от греха. Если человек что-то наскреб или наворовал, то о гостеприимстве и речи не может быть. Но, по моему, самый балдеж ощущаешь тогда, когда остаешься один в чужом доме. Даже робе-

Отару Иоселиани в Париже с каждым годом все грустнее.

Фото Артема Житенева (НГ фото)

ешь, когда понимаешь, что хозяин все тебе доверил. Но для грузин это в порядке вещей. Есть даже поговорка такая: «Грузин вором не бывает: взял — значит, надо было».

— Как вдали от родины вам удалось остаться самим собой?

— Я никогда не проявлял упорства в этом. Когда лопнула «замечательная» советская система, вдруг выяснилось, что все изменилось. И когда я хотел навестить кого-то из близких мне людей, другие говорили: «Ай-ай-ай, ты к нему не ходи — он изменился». То есть совершил что-то необратимое. Из-за подобных вещей я долгое время не разговаривал с Параджановым. Очевидно, после тюрьмы он переживал последствия сильного стресса. Но когда Параджанов серьезно заболел, то Георгий Шенгелая сказал мне: «Ну хватит валять дурака — сердиться!» И мы пошли к больному. Увидев меня, Параджанов воскликнул: «Ах, ты пришел! Значит, я умираю». Все же мы помирились. И со временем он стал прежним Сережей Параджановым. Важно, чтобы перед лицом смерти человек оставался самим собой. К примеру, жизнь Булгакова окончилась гармонично. Он никогда не становился другим Булгаковым, не похожим на себя. А вот жизнь известного режиссера Михаила Ромма, к большому сожалению,

сломалась пополам. Сняв замечательные картины «Пышка» и «Мечта», он стал делать фильмы о Ленине, о чем потом всю жизнь сожалел. К концу жизни он опять стал самим собою, но кино уже не снимал.

Я стараюсь не совершать поступков, которые будут меня мучить потом.

— Современный кинематограф вас не разочаровывает?

— Кинематограф — это «макаронная фабрика», коммерческое предприятие. Трудно сегодня определить то, что однажды исчезнет навсегда. Спрос на кровожадность и порнографию, царящие в современном кино, воспитан очень долгими усилиями Голливуда. Этот стандарт засел в головах молодых людей. И чем жесточе и бесстыднее ситуация на экране, тем больший урожай собирает поставщик этого барахла. Ну и пусть собирает... В нашей памяти остались произведения Данте, Рабле, Шекспира, Гомера, Софокла, Аристофана, а о том, сколько было замазано бумаги, уже все забыли. В погоне за выгодой люди часто забывают о той миссии, которая на них возложена. Они думают, что когда-нибудь потом они вернутся к этой миссии, но это «потом» почему-то не наступает. Я хорошо помню фразу Александра Довженко: «Совершайте каждый ваш поступок, как последний в жизни».

— Какие современные персонажи вас интересуют?

— В основном я снимаю фильмы про заблудших людей. Правда, персонажи мои все же возвращаются на истинный путь. Сегодня меня больше всего интересует человек, потерявший функцию — потерявший власть, привычки... Как в «Принце и нищем»: человек, сбросивший скорлупу, попадает в мир нормальных людей — страждущих, мучающихся, бедствующих. Интересно, какие качества в нем откроются? Гоголь, опустивший Чичикова в разные слои общества, как лакмусовую бумажку, на самом деле вывел положительного героя. И я создаю персонажи, отражающие наш противоречивый мир. В фильме «Листопад» герой противится тому, чтобы из бочки разливали «дурное» вино, которое еще не наступило. Эту картину, снятую в 1966 году, запретили для показа. Когда в Грузии первым секретарем ЦК стал Шеварднадзе, он вызвал меня и сказал: «Может быть, вы все-таки снимете фильм о положительном герое?» Я ответил, что сделаю это с удовольствием. Только для того, чтобы герой стал положительным, его должно окружать столько мерзости, что снимать такой фильм вы точно не разрешите. Откровенно говоря, самые противные — положительные герои. Терпеть их невозможно, но иметь приходится. ■